

Враг у ворот... Кто?

Те, кто надел на глаза шоры, должны помнить,
что в комплект входят еще узда и кнут.

Е. Лениц

Казалось бы, ответ на вопрос ясен. Враг — это «американцы», «янки», «пиндосы» и т. п. Однако в действительности все сложнее и одновременно проще. Любой человек воспринимает мир и действует, используя семантические или концептуальные «решетки», в значительной мере руководствуясь имеющимися у него априорными представлениями о сути происходящих событий¹. По этой причине де-факто люди существуют не в огромном, разнообразном мире, а в своеобразных «тоннелях реальности». Об этом много и хорошо писали В. Аршинов, В. Лепский и С. Переслегин². Главное понимать, что огромный мир и персональный или групповой тоннель реальности — это, как в старину говорили в Одессе, «две большие разницы». Или, по словам великого Филиппа Дика, «реальность — это вещь, которая продолжает существовать даже тогда, когда ты перестаешь в нее верить». Именно поэтому, находясь де-факто в критической ситуации, жизненно необходимо как можно скорее выскочить из собственного «тоннеля», пока в нем не забрезжил яркий свет приближающегося встречного поезда.

Главными «тоннелестроителями» всегда были и будут семья, школа и университет. Например, в советских школах замечательно учили географии: почти каждый советский школьник мог за несколько секунд найти на карте столицу Гвинеи или Бутана. Но сегодня, когда эти школьники давно уже подросли и стали серьезными дядями — российскими поли-

ЛАРИНА Елена Сергеевна — генеральный директор компании «ПерсоналИнвест», член Сообщества практиков конкурентной разведки.

Ключевые слова: глобальный доминат, субдоминат, квазидоминат, паттерн, финансист, менеджер, не-тократ, когнитариат, silovik, активист, теория категорий и функторов, доминант, доминат, доминация.

¹ См.: **Чернышев С. Б.** Смысл. Периодическая система его элементов. — www.ckp.ru/biblio/c/chernyshev/sens/Sens02_.htm; **Смирнов И. В.** Психозэкология. М.: Холодильное дело, 2003.

² См.: Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / отв. ред. В. И. Аршинов, В. Е. Лепский. М.: ИФ РАН, 2010; **Переслегин С.** Новые карты будущего. М.: АСТ : Terra Fantastica, 2009; **Он же.** «Дикие карты» будущего. Форс-мажор для человечества. М.: Эксмо, 2015.

тиками, аналитиками и т. п., — они продолжают мыслить в географическом тоннеле. Поэтому любимицей российского политикума, аналитики и СМИ — от интеллектуальных до «желтых» — остается геополитика, а еще лучше — геостратегия.

Друзья, враги, союзники и угрозы продолжают восприниматься исключительно в масштабе географической карты, в перекрестье параллелей и меридианов. Между тем, если не заниматься одеванием короля, можно в определенной мере согласиться с Максимом Шевченко, полагающим, что «государство в современном мире — достаточно условная вещь, поскольку государство является просто территорией, которая контролируется определенной группой бюрократии. И статус того или иного государства зависит от того, признается ли данная группа бюрократии на этой территории так называемым мировым центром силы». В этих словах присутствует определенное преувеличение, однако главное — насущная необходимость преодоления геоцентризма в реальной политике — схвачено верно. О том же, строго говоря, в свое время писал и В. Пелевин: «А что касается пути, по которому пойдет дальше Россия, то непонятно, как и куда символическое понятие может пойти по абстрактному».

В динамичном, неопределенном, нелинейном мире, полном «черных лебедей» и «волшебных драконов», жить в унаследованных от прошлого «тоннелях реальности» становится все сложнее. В стране и мире в целом за последние десятилетия произошла, по глубокому замечанию профессора В. Бурова, когнитивная катастрофа, сложилась ситуация, когда «человек или группа по психологическим причинам, из-за неверных когнитивных и нейрокогнитивных стратегий, не могут воспользоваться имеющимся знанием для постановки и решения сложных задач в осуществляемых ими выборах, и идут на редукцию системных уровней к доступным им низшим, более простым уровням. Дефицит и измельчание когнитивных ресурсов приводит к тому, что решаются только малоресурсные задачи, а сложные вопросы не рассматриваются или рассматриваются в катастрофически редуцированных контекстах, когда игнорируется сложность и выбираются самые простые, пускай неверные, решения тяжелых проблем»³.

В свою очередь, когнитивная катастрофа ведет к трагическим политическим ошибкам, экономическим кризисам и даже военным конфликтам. Для того чтобы избежать трагедии, необходимо опереться на прочную почву обыденных фактов. В нашем случае, чтобы определить конкретного врага из числа стоящих у ворот, желательно распознать всех до единого персонажей, скопившихся у входа в осажденную крепость.

Тот факт, что в современном мире господствует паукратия (от *лат.* *pauci* — «немногие»), вполне очевиден. И тем не менее. Убедительнейшие экономические доказательства этому собрал и представил на суд

³ Буров В. А. Когнитивные коммуникации в онтологии сложности. Передача неотделимого знания. М.: ООО НИЦ «Инженер», 2014.

общественности Т. Пикетти в самой популярной экономической книге прошлого года — «Капитал XXI века»⁴. Убедительную политическую и социальную фактуру в пользу этого же вывода собрал в своем бестселлере нью-йоркский профессор Брюс Буэно де Мескита, которого в Америке называют «Нострадамусом ЦРУ». Вот уже более десяти лет он консультирует Совет национальной безопасности, ЦРУ и Разведывательное управление Министерства обороны США (DIA) относительно перспектив развития возникающих в мире конфликтов. Поскольку точность его задокументированных прогнозов составила с периода 2002 года 87 процентов, то очевидно, что упоминая о паукратии, профессор знает, что говорит. В другом своем бестселлере — «Игры предсказателя»⁵, — он обратил внимание читателя на тенденцию перехода от *электората* к *селекторату*, то есть к выбору, осуществляемому теми немногими, которые участвуют в реальном выборе исторической динамики и руководства страны. В более поздней книге «Справочник для диктатора»⁶ Б. Буэно де Мескита пошел дальше и сформулировал тенденцию перехода от селектората к *доминату*, то есть к системе частично принудительного, частично добровольного отсечения подавляющей части общества от власти и сосредоточению ее у определенных, в том числе наднациональных, группировок. Между ними складываются подвижные иерархосетевые отношения, или гетерархии⁷, — отсюда и название.

Представленных в этих и других книгах неопровержимых фактов вполне достаточно для того, чтобы ограничить поиск друзей, врагов, союзников и противников, к тому же сменяющихся, как в калейдоскопе, друг друга, глобальным доминатом, субдоминатами и квазидоминатами. К последним относятся структуры, функционально стремящиеся выполнять роль домината, но в силу конкретных исторических обстоятельств являющихся не субъектами, а объектами, или в лучшем случае — субъектами с крайне ограниченной исторической волей.

⁴ Со сжатым перечнем доказательств можно ознакомиться в русскоязычном дайджесте (см. **Piketty T.** Capital in the Twenty-First Century. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2014; www.smartreading.ru/biblioteka/obyazatelnoe_chtenie/capital_in_the_twenty_first_century/).

⁵ См. **Bueno de Mesquita B.** The Predictioneer's Game: Using the Logic of Brazen Self-Interest to See and Shape the Future. Amazon Kindle Edition, 2009.

⁶ См. **Bueno de Mesquita B., Smith A.** The Dictator's Handbook: Why Bad Behavior Is Almost Always Good Politics. Amazon Kindle Edition, 2011.

⁷ Термин введен в работе нейropsychолога и кибернетика У. Маккаллока «Гетерархия ценностей, обусловленная топологией нервных сетей» (1943). Понятие «гетерархия» (англ. heterarchy) имеет греческое происхождение; оно возникло в результате соединения слов heteros («другой», «чужой») и archein («власть», «управление»). Таким образом, термин «гетерархия» буквально обозначает «то, что находится под управлением другого», «распределенное управление» (в противоположность «священному порядку» иерархии) или же, в более свободном переводе, «нечто, обладающее внутренней разнородностью» (см. **Crevier D.** AI: the tumultuous history of the search for artificial intelligence. N. Y.: Basic Books, 1993). Гетерархия — система, образованная пересекающимися, разнообразными и одновременно сосуществующими структурами управления. Кроме того, гетерархия — это целостность относительно обособленных паттернов, связанных между собой и внутри себя изменчивыми, текучими, переходящими друг в друга иерархическими и сетевыми взаимодействиями (см. **The Sense of Dissonance: Accounts of worth in economic life.** Princeton (NJ), 2009).

На сегодняшний день сложились два основных направления, анализирующих господствующие структуры. Одно из них связано с привычным нам классовым подходом, другое представлено многочисленными школами и течениями элитологии. Едва ли не лучшее не только в России, но и в мире изложение положения дел в этой сфере, столь волнующей практикующих политиков, размышляющих экспертов и любопытствующих читателей, представлено в работе «Эволюция элиты» С. Бухарина и С. Малкова⁸. Выводы последних свидетельствуют, что оба обозначенные выше направления в той или иной степени методологически ограничены, поскольку осуществляют классификацию по различного рода произвольным критериям.

Решая прагматическую задачу, связанную с распознаванием врагов и выяснением в конечном счете вопроса о том, хочет ли Америка распада России, хотят ли этого все ключевые паттерны доминанта или нет, необходимо до блеска отточить смысловой инструментарий. Следует максимально задействовать здравый смысл и большое число наработок замечательных российских и не менее выдающихся зарубежных исследователей. И в первую очередь — теорию деятельности, основные принципы которой были сформулированы отечественными учеными — такими, как Эвальд Ильенков, Алексей Леонтьев, Георгий Щедровицкий⁹ и некоторые другие.

При этом особое значение для доминантного анализа имеют работы выдающегося российского психолога и мыслителя А. В. Брушлинского¹⁰. Последний справедливо полагал, что человеческая деятельность едина, и что лишь исследователи разделяют ее на предметы отдельных наук или практик. Он разработал и с успехом применил уникальную методологию, учитывающую текучесть и пластичность понятий и терминов, используемых при анализе деятельности. К сожалению, в 2002 году А. В. Брушлинский был убит, а его архив частично похищен. И это далеко не единичный пример трагической гибели российских ученых, занимавшихся анализом деятельности, сложности и латентных процессов. Буквально через год после этого внезапно и загадочно умер выдающийся мыслитель и психотехнолог В. И. Смирнов, а еще через год насильственной смертью погиб их друг, знаменитый советский востоковед, разведчик, исследователь латентных структур и друг Л. Ларуша — Г. Бондаревский.

Приложение теории и инструментария деятельности к общественным процессам требует отказа от ряда господствующих догм. Прежде всего это касается механистического детерминизма и догматического марксизма с их первенством производительных сил над производ-

⁸ См. Бухарин С. Н., Н. Малков С. Ю. Эволюция элиты (Материалы и исследования). М.: Академический проект, 2014.

⁹ См.: Эвальд Васильевич Ильенков / под ред. В. Толстых. М.: РОССПЭН, 2009; Леонтьев А. Становление психологии деятельности. М.: Смысл, 2003; Щедровицкий Г. Оргуправленческое мышление. Идеология, методология, технология (курс лекций). М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2014.

¹⁰ См. Брушлинский А. Субъект: мышление, учение, воображение. М., 2003.

ственными отношениями, базиса над надстройкой, признанием только односторонних причинно-следственных связей, линейного прогресса и т. п.

Человеческая деятельность, независимо от ее масштабов, предстает как сложный, вероятностный и неоднозначный процесс. На системном уровне теорию и методологию сложных процессов в России блистательно развивали С. Курдюмов, Е. Князева, А. Назаретян¹¹ и др. Кроме того, необходимый и во многих отношениях достаточный инструментальный практический анализ сложных процессов, характеризующихся кольцевой причинностью и т. п., создали академик П. К. Анохин и его ученик — профессор А. В. Судаков, а также безвременно ушедший из жизни гениальный психолог и методолог Н. Носов¹². Математический аппарат, необходимый для анализа сложных процессов, включая межэлитный анализ, развивает невидимый колледж, образовавшийся вокруг семинара по прикладной математике под руководством Г. Малинецкого¹³.

Применительно к общественным процессам базовый подход и инструментальный использования теории вероятностных, изменчивых процессов заложил Антонио Грамши в своих «Тюремных тетрадах»¹⁴. В СССР несколько иной вариант подхода и инструментария, также лежащий в рамках школы сложности, предложил явно не оцененный современниками выдающийся советский общественник К. В. Крылов¹⁵. Наиболее же глубоко инструментальный анализ национальных и наднациональных элит и их взаимодействия в рамках рассматриваемого подхода разработал в своей пионерной книге «Колокола истории» и последующих работах А. И. Фурсов¹⁶. Наконец, своего рода образец использования инструментария анализа сложных нелинейных, вероятностных, многофакторно-детерминированных процессов на глобальном уровне продемонстрировал М. Г. Делягин¹⁷.

Представляется, что богатство мыслей, концептов, инструментария, разработанных отмеченными выше авторами, вполне достаточно для самого скрупулезного анализа наиболее сложных процессов современности. Более того, по скромному мнению автора, на сегодняшний день нигде в мире не существует столь мощного аппарата, подходящего для осуществления сложной аналитики и прогностики. При должной шлифовке и экспериментальном применении он по-

¹¹ См.: Князева Е., Курдюмов С. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее. М.: КомКнига, 2006; Назаретян А. П. Нелинейное будущее. М.: МБА, 2013.

¹² Судаков К. В., Анохин П. К. Функциональные системы. М.: РАМП, 2011; Носов Н. Виртуальная психология. М.: Аграф, 2001.

¹³ См. Малинецкий Г., Потапов А. Нелинейная динамика и хаос. Основные понятия. М.: Либроком, 2011.

¹⁴ См. Грамши А. Тюремные тетради : в 3-х ч. М.: Издательство политической литературы, 1991.

¹⁵ См. Фурсов А. Русский интерес. М.: КМК, 2014.

¹⁶ См. там же.

¹⁷ См. Делягин М. Г. Мировой кризис: общая теория глобализации. М.: ИНФРА-М, 2003.

зволит коллективам, овладевшим этим смысловым инструментарием, получить, по удачному выражению А. Фурсова, «устрашающее интеллектуальное превосходство».

Решая задачу анализа домината, необходимо определить своего рода точку сборки, базис для применения мощного инструментария, о котором шла речь выше. Коль скоро главная задача — это распознавание основных кластеров нынешней и будущей паукратии или глобального домината, нужно прежде всего определить критерий классификации, или распознавания, кластеров. Причем этот критерий должен исходить не из положений абстрактной теории, а из реального опыта практики и повседневной действительности.

Любая деятельность предполагает предмет, процесс и результат, причем эти три звена взаимно определяют друг друга: то, что для одного выступает как результат, для другого оказывается продуктом и т. п. Вполне очевидно, что в этой триаде наиболее определенными являются два ее члена — продукт и результат, которые в конечном счете представляют собой тождество. Любой человек в ответ на вопрос о том, что является главным для дела, ответит: ресурсы. Особенно, если под последними понимать не только продукты и результаты деятельности, но и собственно знания, умения, навыки, в том числе имплицитные, которые и реализуются через деятельность. Соответственно вполне логично положить в основу классификации паттернов паукратии тип располагаемого ресурса. Такой подход облегчается удивительной по глубине и инструментальным возможностям методологией деятельностно-ресурсного анализа, разработанной С. Кордонским¹⁸.

Переходя непосредственно к стадии анализа, отметим, что наиболее ликвидным, универсальным и конвертируемым ресурсом, несомненно, являются деньги. Вполне понятно, что обладатели этого ресурса всегда входили в состав верхних страт, элиты, правящего класса, то есть домината, самых различных обществ на протяжении всей человеческой истории.

Зачастую в определенных формациях происходило отождествление денег с капиталом как самовозрастающей прибавочной стоимостью. Однако деньги как таковые существовали до капитализма и будут существовать после него. Еще более важен тот факт, что деньги — это совершенно особый ресурс, тесно связанный со столь загадочной характеристикой, как время. Житейская мудрость ухватила эту связь и выразила в известной поговорке: «Время — деньги». Семантика народного языка даже в содержательно-прикладном плане оказывается зачастую на порядки богаче изощренных интеллектуальных построений.

В связи с этим целый ряд серьезных мыслителей, живших после К. Маркса и в той или иной степени разделявших его подход, выводили природу денег не из обмена, а из более фундаментальных закономерностей, связанных с обязательной длительностью любой человеческой деятель-

¹⁸ См. Кордонский С. Циклы деятельности и идеальные объекты. М.: Пантори, 2001; Он же. Ресурсное государство : сборник статей. М.: REGNUM, 2007.

ности, ее протяженностью во времени. Например, Хаим Ф. Мински¹⁹ связывал природу денег с обслуживанием воспроизводственного процесса, в котором между закупкой ресурсов и продажей либо потреблением конечного продукта проходят не только дни и недели, но иногда месяцы и даже годы. Еще более радикально подошел к делу известный антрополог Д. Гребер²⁰. Он привел множество доказательств того, что деньги появились не в результате обмена, а в целях обслуживания гораздо более фундаментальных отношений, связанных с долгом. Эти отношения выходят далеко за рамки собственно производственных отношений.

В разные эпохи и времена обладатели финансовых ресурсов назывались по-разному, играли различную роль, но неизменно входили в верхнюю, принимающую все основные решения страту глобального доминанта и субдоминанта. В последние 30 лет обособленность, самодостаточность этой группы стала как никогда полной, понятной и прозрачной.

Фактически современный глобальный финансиализированный строй является средой доминирования финансистов — обладателей денежного ресурса. Блистательные работы о причинах, характере и формах проявления этого процесса написаны А. В. Бузгалиным, А. И. Колгановым, О. Григорьевым и К. Лапавитасом²¹. Так или иначе, финансисты, или как их любовно называют на Западе и в России — *банкстеры*, представляют собой ведущую группу в гетерархии мирового доминанта. Впрочем, априори относить к непримиримым врагам и противникам какой-то паттерн лишь потому, что входящие в него индивиды богаче тебя, принадлежат к другой конфессии и т. п., было бы по меньшей мере опрометчиво. Финансы и финансисты, как убедительно показал нобелевский лауреат Р. Шиллер, вполне могут делать дело, полезное и для развивающихся обществ²².

Вторая группа — это, без сомнения, «традиционные» капиталисты в знакомом нам индустриальном обществе. Это группа, живущая за счет неоплаченного эксплуатируемого труда. К. Маркс не без основания полагал, что, строго говоря, финансисты могут существовать до и после капитализма, а вот классические капиталисты — нет. Прогноз Маркса блистательно подтвердился в XX веке. Ирония судьбы состояла в том, что правоверные марксисты не признали реальные процессы за сбывшиеся предвидения Маркса и обрушились с уничтожающей (а потому — бессмысленной) критикой на проницательных западных ученых, скрупулезно изучивших и понявших суть явления.

По мере исчерпания капитализмом своих потенций, класс или сообщество капиталистов не как совокупный исторический субъект, а как вполне живые действующие люди, стали перемалываться жерновыми

¹⁹ См. **Minsky H. F.** Stabilizing an Unstable Economy. N. Y.: Professional, 2008 (полный текст см. также: <http://digamo.free.fr/minsky86.pdf>).

²⁰ См. **Гребер Д.** Долг. Первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем, 2015.

²¹ См.: **Бузгалин А. В., Колганов А. И.** Глобальный капитал : в 2 т. М.: URSS, 2015; **Григорьев О.** Эпоха роста. Лекции по неоэкономике. М.: Карьер Пресс, 2014; **Lapavitsas C.** Profiting Without Producing: How Finance Exploits Us All. N. Y.: Verso Books, 2014.

²² См. **Шиллер Р.** Финансы и хорошее общество. М.: URSS, 2014.

финансиализации и все более заметно подразделяться на две группы: собственно финансистов, хозяев денег, а соответственно — и денежной ренты в виде ссудного процента, дивидендов и т. п., и менеджеров. Последние, по сути, являлись хозяевами и держателями организационного ресурса. Обязательной характеристикой менеджера является его личное участие в деятельности, по своей сути он не рантье, а деятель.

Соответственно, исследователи, имевшие дело с огромными массивами первичного достоверного материала и обладавшие непосредственным жизненным опытом, еще перед Второй мировой войной диагностировали этот процесс, определили внутреннюю суть менеджества. Она состояла в собственности на организацию ресурсов и деятельности. Ведь менеджер — это управленец, что достаточно ясно показали уже А. Берли и М. Минз²³. Сведя воедино огромный фактический материал, наработанный и осмысленный А. Берли и М. Минзом, с марксистской диалектикой и троцкистской убедительностью, А. Бернхайм диагностировал знаменитую «революцию менеджеров»²⁴ (забавно, что единственный русскоязычный перевод Бернхайма был осуществлен Народно-трудовым союзом в 1953 году под названием «Диктатура директоров»²⁵).

На близкие тенденции указал Дж. Гэлбрайт²⁶, а в наиболее полном и законченном виде концепция менеджерского сословия была изложена Г. Паркиным в книге «Третья революция»²⁷. Любопытно, что последний полагает, что менеджеры являются своего рода ключевой группой профессионального общества, к которому двигался мир до того, пока до власти не дорвались финансисты, прикрывшиеся неолиберальными постулатами. Более того, он утверждает, что «именно советский социализм в своем позднем варианте 70-х — начала 80-х годов был первым в мире обществом профессионалов».

Многие, даже глубокие исследователи полагают, что синонимом менеджерского сословия в его позднем капиталистическом обличье являются корпоратократы, и отчасти это верно: не случайно на этот факт указывают представители самых различных направлений — от либерально-консервативного Э. Райнерта до радикального Д. Перкинса²⁸. Однако частичное наложение множеств дает не тождество, а нечеткое мно-

²³ Подробнее об этом см.: **Капелюшников Р. И.** Концентрация собственности и корпоративный ландшафт современной мировой экономики // Отечественные записки. 2005. № 1. — www.strana-oz.ru/2005/1/koncentraciya-sobstvennosti-i-korporativnyy-landshaft-sovremennoy-mirovoy-ekonomiki; **Кочеврин Ю. Б.** Эволюция менеджериума. Опыт политико-экономического анализа. М.: Наука, 1985.

²⁴ См. **Burnham J.** The Managerial Revolution: What is Happening in the World. N. Y.: John Day Co, 1941; кроме того см. **Havers. G.** James Burnham's Elite Theory and the Postwar American Right // Telos. 2011. Vol. 2011. № 154. P. 29—50.

²⁵ См. **Джеймс Б.** Диктатура директоров. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1954.

²⁶ См. **Гэлбрейт Д. К.** Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004.

²⁷ См. **Perkin H.** The Third Revolution: Professional Elites in the Modern World. L.: Routledge, 1996.

²⁸ См.: **Райнерт Э. С.** Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: НИУ ВШЭ, 2011; **Перкинс Д.** Тайная история американской империи: Экономические убийцы и правда о глобальной коррупции. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008.

жество. Если с математического языка перевести это замечание на язык повседневности, то получится, что не все менеджеры корпоратократы, но все корпоратократы — менеджеры (либо уж точно финансисты-рентополучатели).

Но на богатых свет клином вовсе не сходится, в том числе и в случае домината. Продолжая анализ, отметим, что в господствующие или доминирующие группы всегда входили не только богачи, но и вообще умные, энергичные и знающие — причем не обязательно обремененные и наделенные другими достоинствами — люди, чему существует множество подтверждений²⁹. Этот факт неизменно фиксируется интеллектуалами, начиная от Платона и заканчивая Бардом и Зодерквистом³⁰. В XX веке

Суть деятельности предпринимателя состоит в том, что он не просто управляет и организует уже готовые факторы производства, но и создает новую комбинацию, конструкцию, схему из уже имеющихся социальных, экономических, культурных и иных блоков, и за счет этой конструкции получает новый продукт или новую ценность.

соответствующий слой описывается понятием *меритократия*³¹, то есть власть достойных. Изучавшие этот феномен единодушно указывают на тот факт, что наиболее ценным, ключевым ресурсом являются не материальные предметы (машины, оборудование, недвижимость и т. п.) и даже не деньги, а информация и знание. И действительно, информация и знания, как правило, легко и выгодно конвертируются во все иные ресурсы.

Однако сам по себе ум не кормит даже в условиях господства информационных технологий. А потому стоит вспомнить, например, о некоторых идеях Й. Шумпетера³², который впервые показал функциональную роль предпринимателя в воспроизводстве, исторической динамике и великой трансформации, о которой писал К. Поланьи³³.

Предприниматель Шумпетера — это носитель творческого начала, «умник», занятый практическим делом. Суть деятельности предпри-

²⁹ См. Элиаде М. История веры и религиозных идей : в 3 т. М.: Академический проект, 2012.

³⁰ См. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.

³¹ См. Young M. The Rise of the Meritocracy, 1870—2033: The New Elite of Our Social Revolution. N. Y.: Random House, 1957.

³² См. Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры). М.: Прогресс, 1982.

³³ См. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.

нимателя состоит в том, что он не просто управляет и организует уже готовые факторы производства (как менеджер), но и создает новую комбинацию, конструкцию, схему из уже имеющихся социальных, экономических, культурных и иных блоков, и за счет этой конструкции получает новый продукт или новую ценность. На Западе эти идеи были восприняты в первую очередь практиками, бизнесменами, инженерами, специалистами в области IT-технологий, и как ни странно — военными и представителями разведывательного сообщества.

Как это ни удивительно, но наиболее глубоко идеи Й. Шумпетера были осмыслены и развиты отнюдь не в США или Европе, а в постсоветской России в 1990-е годы. Это развитие связано с деятельностью группы создателей, издателей и авторов хрестоматии «Иное» под руководством С. Б. Чернышева³⁴. Впервые новый подход был прописан в манифесте «Новые транснациональные русские» (начало 1990-х годов), наиболее же полное, развернутое его изложение содержится в более поздних книгах того же автора³⁵.

В самом конце прошлого века на идеи Шумпетера, в частности на его тезис об особой роли предпринимателей и носителей знания в структуре элит, обратили внимание и на Западе. Помимо теории «нетократии» Барта и Зондерквиста, появились и другие концепции, в числе которых отметим выдвинутые одним из бывших главных аналитиков Агентства национальной безопасности США Д. Райсом и ведущим экспертом и консультантом в сфере технологического предпринимательства в Америке М. Маззукато³⁶.

В США и в Европе гораздо больше, чем понятие «нетократы», прижились термины типа «ботаники» и «гиконимиксы». По характеру своей деятельности, отношению к действительности, образу жизни и т. п. те, к кому применяются эти наименования, чрезвычайно далеки от чаемого сторонниками меритократии образа гуру-брахманов и высоколобых серых кардиналов при действующих политиках типа знаменитого доктора Ф. Линдемана у У. Черчилля. Гиконимиксы представляют собой отдельный, уже, по сути, сформировавшийся паттерн, входящий в структуру мирового домината. Наиболее полный на сегодняшний день обзор генезиса гиконимиксов в XX — начале XXI века и их отличительных черт мы попытались дать в статье «Элитный парадокс»³⁷.

³⁴ См. *Иное. Хрестоматия нового российского самосознания* / под ред. С. Б. Чернышева. М.: Аргус, 1995.

³⁵ См.: Новые транснациональные русские (тесты для манифеста). — www.ckp.ru/biblio/c/chernyshev/kp/04_Part_3/1_Testo.htm; **Чернышев С. Б.** Кризис? Экспансия! Как создать мировой финансовый центр в России. М.: Европа, 2009; **Он же.** Россия суверенная. Как заработать вместе со страной. М.: Европа, 2007.

³⁶ См.: **Race D.** *Geekonomics: The Real Cost of Insecure Software*. Boston (MA): Pearson Education, 2007; **Mazzucato M.** *The Entrepreneurial State: Debunking Public vs. Private Sector Myths* (Anthem Other Canon Economics). L.; N. Y.; Delhi: Anthem Press, 2011.

³⁷ См. **Ларина Е. С.** Элитный парадокс // Информационные войны. 2014. № 3(31). С. 39—47. — http://media.wix.com/ugd/ec9cc2_c48d56c1fb3d4100b6bf75ea891bb5f2.pdf

Как это ни странно, но впервые сходные идеи появились не где-нибудь, а в России. В начале XX века известная революционерка, соратница В. И. Ленина, подруга Ж. Сореля и учительница Б. Муссолини — Анжелика Балабанова³⁸ разработала учение о *когнитариате*. Она убеждала Б. Муссолини, что корпоративное государство может успешно существовать только в том случае, если оно будет скреплено предпринимательским сословием, объединенным с наиболее харизматичными и умными учеными, писателями, деятелями искусств и т. п. На итальянской почве, обильно политой кровью и потом футуризма, идеи когнитариата оказались весьма востребованы. В последующем они были подхвачены и развиты А. Печчеи, А. Негри и М. Хардтом. Последние придумали и очень удачное обозначение для этого паттерна домината — «коги». При этом сами они в размерности когнитариата и паттернов не мыслили.

Интеллектуалы самых разных эпох и течений — от Т. Гоббса до В. Парето, от А. Токвиля до С. Переслегина — высказывали мысль о том, что в структурах доминирования существуют группы, присутствующие там именно как носители власти, обладатели ресурса сакрального превосходства, легитимизированного насилия и их производных. Наиболее четко этот подход сформулировали известный теоретик и практик психоистории Мао Цзэдун в своем крылатом выражении «винтовка рождает власть», а также В. Парето, справедливо заметивший, что «власть — это самый ценный ресурс, который может быть конвертирован во что угодно и когда угодно».

В XX веке наиболее сильные школы, занимающиеся этим компонентом домината, сложились в рамках англосаксонской традиции правого неоинституционализма и в русской группе интеллектуального анализа В. Крылова — А. Фурсова. Любопытный поворот темы самодовлеющей власти мы обнаружили и в недавних книгах оригинального исследователя и эффективного политтехнолога Г. Павловского³⁹.

При определенной взаимодополняемости школ, по крайней мере в части аналитического инструментария, нельзя не отметить и интеллектуальное превосходство российской исследовательской программы над западной. Признание этого превосходства можно найти в книгах многих зарубежных исследователей — например К. Крауча⁴⁰. Этот факт имеет довольно очевидное объяснение: именно российская история дает едва ли не самый богатый и разнообразный материал для наиболее глубокого и всестороннего изучения природы власти. Понимание этой природы позволило российским исследователям, и прежде всего А. Фурсову, занимающемуся этой темой уже четверть века, наиболее полно, детально и глубоко проникнуть в феномен кратократии — паттерна до-

³⁸ См. **Генис В. Л.** Неверные слуги режима: Первые советские невозвращенцы (1920—1933). Опыт документального исследования. М.: [б.и.], 2009. Кн. 1.

³⁹ См., например: **Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.** Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011; **Фурсов А.** Русский интерес; **Павловский Г.** Система РФ в войне 2014 года. De Principatu Debili. М.: Европа, 2014; **Он же.** Гениальная власть! М.: Европа, 2014.

⁴⁰ См. **Крауч К.** Постдемократия. М.: Высшая школа экономики (ГУ), 2010.

мината, контролирующегося, опирающегося и использующего ресурс власти, порожденной насилием или сакральностью.

Еще до недавнего времени считалось, что для западных обществ кратократия либо неактуальна вообще, либо представляет собой архаическое или маргинальное явление. Однако в последнее время в открытых и служебных материалах ведущих фабрик мысли, включая Брукингский институт, Институт Санта-Фе, Атлантический институт и др., кратократы рассматриваются как отдельный паттерн в структуре глобального и сублокального доминатов. Более того, в западный исследовательский, а теперь уже и в СМИ-словарь для обозначения этого паттерна, в том числе в североатлантических, японских и китайских структурах доминирования, использует термин *silovik*.

Казалось бы, четырьмя перечисленными паттернами гетерархии доминирования, включающими финансистов, менеджеров, когов и силовиков, можно было бы ограничиться. Однако это было бы несправедливо по отношению к мировой истории и человеческой деятельности. В наиболее явном виде эту недостаточность не просто понял, а превратил в фундамент разработки мощнейшего инструментария психоистории В. И. Ленин в своем учении о партии нового типа⁴¹, причем не только изложил, но и использовал на практике. Именно ему принадлежит вывод о том, что природа человеческой деятельности требует создания тех или иных форм организации, без которых производственные, потребительские, культурные и иные процессы оказываются попросту невозможными. Исходя из этого, В. И. Ленин совершил открытие исторического масштаба: подобные формы организации, то есть собственно активисты, неизбежно могут и должны получить свое представительство в доминате даже в тех случаях, когда интересы последнего им враждебны. Причем, это представительство может носить как предельно конфликтный характер (В. И. Ленин), так и осуществляться относительно мирно и даже являться источником взаимовлияния (К. Каутский и др.). Ленинская партия нового типа — это, по существу, и есть та самая структура обеспечения вхождения организованных трудящихся в доминат, конфликтного существования в нем и полного изменения структуры доминирования.

Параллельно с В. И. Лениным эту же тему, но на ином историческом материале, с иными целями и иным мировоззренческим и интеллектуальным инструментарием, разрабатывали британские фабианцы — причем прежде всего ветви, связанные с лордом А. Мильнером, Б. Шоу и Г. Уэллсом⁴². Примерно в том же направлении не только размышляли, но и действовали представители корпоратистского направления, традиционно связанные с различными версиями фашизма⁴³.

⁴¹ См.: Это есть наш последний и решительный бой! : в 2 кн. / сост. В. И. Миллер, Т. Ф. Кузьмина. М.: Политиздат, 1987 (История КПСС в воспоминаниях современников); Дайте нам организацию революционеров / сост. З. А. Джабиева, А. И. Середя. М.: Политиздат, 1987; **Плимак Е. Г.** Политика переходной эпохи. Опыт Ленина. М.: Весь Мир, 2004.

⁴² См. **Pease D. F.** The history of the Fabian society. Socialism and labourism in England. N. Y.: E. P. Dutton & Co, 2004.

⁴³ См. **Серенсен Э.** Мечта о совершенном обществе. Феномен тоталитарной идеологии. М.: Прогресс-Традиция, 2014.

Хотя приведенные примеры относятся к политической области, паттерны доминирования подобного рода могут сложиться и реально складываются на самом различном базисе. Этим базисом не обязательно является производственная деятельность; его может составлять и сфера потребления, и даже культура, идеология, и в особенно мощном варианте — религия. Наиболее полно, хотя и излишне экономизированно, этот феномен описан в книге М. Олсона. Крайне интересны и вышедшая буквально несколько недель назад книга А. Перланда, а также многократно переиздававшаяся классическая работа Г. Домхофа⁴⁴.

Представительство группы, которую можно условно назвать «активистами», в структуре домината связано с тем, что именно человеческие сообщества, а не единичные личности, в подавляющем большинстве случаев выступают не только в качестве движущей силы мировой, региональной и страновой динамик, но и как субъекты повседневной (причем самой разнообразной) деятельности. Соответственно всегда имеются держатели ресурса групповой идентификации — без последней не возникает никакой целостности или группы. Ресурс идентификации по своей природе, проявлениям и возможностям конвертации в корне отличается от близкого к нему на первый взгляд ресурса организованности, которым располагают менеджеры. В крайнем случае разница между ними примерно такая же, как между эффективным управленцем и вдохновенным политическим трибуном. Описанный ресурс, как никакой другой, носит личностный характер.

Таким образом, в гетерархии доминирования можно выделить пять основных паттернов: финансистов (банкстеров), менеджеров (корпоратократов), когов (нетократов, гиконотомиков, умников и т. п.), силовиков и активистов. Как это ни парадоксально, сам по себе подход к выделению структур доминирования оказывается более близким не к классовому или элитному, а к системно-динамическому анализу. Этот подход на количественном и метафорическом уровне наиболее точно описывается не популярной сейчас у гуманитариев (типа М. Хардта и А. Негри⁴⁵) теорией множеств, а мало кому известной, помимо профессиональных математиков и физиков, так называемой теорией категорий и функторов.

В блистательной статье двух гениальных ученых Р. ди Бартини и П. Кузнецова⁴⁶ предельно концентрированно изложена суть этой теории. Исходными в мире являются не единичность, а целостность, не статика, а динамика. Поэтому все сущее можно определить через три ключевых термина: инвариант — нечто неизменное, устойчивое, определенное; группа — способ существования инварианта в более-менее устойчивом

⁴⁴ См.: **Олсон М.** Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы, 1995; **Perland A.** Collecting scattered. New social, business and consumer communities dominated. N. Y., 2015; **Domhoff G. W.** Who Rules America? The Triumph of the Corporate Rich. N. Y.: Barnes & Noble, 2013.

⁴⁵ См. **Хардт М., Негри А.** Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.

⁴⁶ См. **Ди Бартини Р. О., Кузнецов П. Г.** О множественности геометрий и множественности физик. — www.trinitas.ru/rus/doc/0231/008a/02311100.htm

виде в течение определенного периода времени или, как говорят математики, конкретная форма преобразования; и функтор — собственно изменение, трансформация или, опять же следуя математическому языку, преобразование.

Теория категорий и функторов дает мощнейший не только количественный, но и качественный инструмент в руки исследователей⁴⁷. Она позволяет им заниматься анализом сложных, нелинейных, динамичных процессов. Пока теорию за пределами собственно абстрактной математики используют прикладные физики и биологи. В Институте сложности Санта-Фе с прошлого года открыта тема по применению теории категорий и функторов для комплексного анализа политико-экономической и социально-культурной динамики и прогнозирования.

Во второй части, вооружившись классификацией паттернов доминанта и используя теорию категорий и функторов, спустимся с горных высот теории в повседневную жизнь с ее политическими противоборствами, финансовыми потоками, информационными войнами и другими прелестями реальности. Анализируя на конкретном материале, подтвержденных фактах и выявленных тенденциях структуру и динамику американо-российских взаимоотношений, мы постараемся избежать серьезной ошибки — не будем сводить Америку и Россию к географическим структурам на карте и к абсолютно однородным гомогенным системам. Во время «холодных» или «горячих» войн этот подход был не только оправданным, но и продуктивным. Однако уже давно, по крайней мере последние полвека, мир живет в совершенно новом состоянии «мировойны» или «войномира»⁴⁸. В прошлом лобовая военная логика, геополитический тоннель рассмотрения всего и вся немало поспособствовали историческим неудачам нашей страны. Поэтому нужно помнить максимум Л. Шебаршина «Ошибки прошлого — строительный материал политики настоящего». Это особенно важно, говоря его же словами, «у нас все впереди. Эта мысль тревожит...»⁴⁹. ◆

(Продолжение следует)

⁴⁷ См. Левич А. П. Искусство и метод в моделировании систем. М.; Ижевск: Ижевский институт компьютерных исследований, 2012.

⁴⁸ См. Овчинский В., Ларина Е. Холодная война 2.0. (Доклад Изборскому клубу). Изборский клуб. Институт динамического консерватизма. — <http://dynacon.ru/content/articles/4224/>

⁴⁹ Шебаршин Л. КГБ шутит. Афоризмы от начальника советской разведки. М.: Алгоритм, 2012.